

Разве у тебя неверное представление о злодеях?

Хотя мясо голубя было совсем невкусным, Сяо Янь всё же заставил себя проглотить его. Ему требовалась мясная пища для восстановления сил, нельзя было всё время зависеть от корней таро.

Чэн Янь на этот раз удалось досыта наесться, она даже выскребла из горшка весь бульон до последней капли. Половина голубя — это не так уж много, но вместе с несколькими мисками горячей похлёбки этого хватило, чтобы почувствовать сытость.

Сяо Янь, кажется, начал клевать носом, поэтому он медленно и неторопливо улегся обратно в гроб. Чэн Янь накрыла его крышкой, а увидев, что день клонится к вечеру, поспешила собрать вещи и вернуться домой.

Весь день Сяо Янь пролежал в гробу, восстанавливая душевные силы. Сейчас рана от стрелы на его правом плече уже покрылась коркой, и если не совершать резких движений, то в повседневной жизни она почти не мешала. К счастью, он был левшой и владел обеими руками одинаково хорошо. В детстве Шэнь часто поправляла его, приучая пользоваться правой рукой для письма, еды и владения мечом, однако в стрельбе и игре в шахматы он всё равно предпочитал левую. Поэтому рана на правом плече не стала для него непреодолимым препятствием.

В холодную зимнюю пору на улице почти никого не было. Лишь когда начало смеркаться, Сяо Янь покинул покойницкую и направился вдоль русла реки. Чэн Янь упоминала, что к востоку есть места с отмелями, и он решил попытать удачи — ему до смерти хотелось мяса.

Прошагав вдоль берега около получаса, он нашёл ту самую отмель. Из воды выглядывало множество гальки, а дно здесь было сравнительно ровным. Сяо Янь осмотрел местность и, выбрав подходящее место, разулся. Ступая босыми ногами в ледяную воду, он, преодолевая холод, начал перетаскивать крупные камни, выкладывая из них подобие загона — ловушку для рыбы.

Когда он закончил, окончательно стемнело. Будучи мастером боевых искусств, он обладал острым зрением и слухом, поэтому без суеты выбрался на берег, надел обувь и ушёл. Вернувшись в покойницкую, Сяо Янь снова залез в гроб.

На следующий день, ещё до рассвета, он пошёл к реке проверить улов, но в ловушке плескалось лишь несколько жалких рыбешек. Спустя два дня ему всё же удалось поймать трёх довольно крупных карпов. Сяо Янь остался доволен: он связал их травяной верёвкой и с чувством выполненного долга потащил домой.

Рацион Чэн Янь заметно улучшился — она наконец-то отведала рыбы! К счастью, Мясник Лю был гулякой и часто пропадал из дому, что позволяло ей тайком приносить добычу. Вчера она лишь слегка пригубила мясного, а сегодня — целая рыба!

Чэн Янь сияла от радости. Глядя на трёх карпов, висящих на верёвке, она весело спросила:

— Господин Жэнь, как вам удалось их поймать?

Жэнь — это имя, которым Сяо Янь представился ей, чтобы водить за нос. Как и обычно, он не стал тратить лишних слов, коротко бросив: просто выложил кругом камни на мелководье, и рыба сама заплыла в ловушку.

Чэн Янь изумилась и похвалила его:

— Господин Жэнь, вы такой искусный!

Она искренне считала его умелым: мог поймать голубя, ловил рыбу голыми руками — мастер на все руки. Глядя на её оживлённое лицо, Сяо Янь подумал, что в этой девичьей глупости есть некая наивная прелесть. Возможно, она никогда не покидала деревню Синхуа и не видела большого мира, раз способна радоваться такому пустяку, как голубь или рыба.

Случайно заметив синяк на её запястье, он не стал расспрашивать, а лишь сказал:

— Забирай, вари уху.

Чэн Янь кивнула и, подпрыгивая от радости, унесла рыбу. Сяо Янь, свернувшись в сене, проводил взглядом её удаляющуюся фигуру. Хрупкая, по-детски непосредственная, чистая в своей наивности — кажется, её было совсем легко обмануть. Четырнадцатилетняя девушка, живущая с отчимом без присмотра матери... Иногда он замечал на её теле следы побоев — старые и новые.

Он никогда не расспрашивал её о жизни и не хотел вмешиваться. Он никогда не был добряком, да и сейчас, не имея сил спасти даже самого себя, разве мог он помочь другим?

Позже Чэн Янь принесла уху. Она была такой же невкусной, как и голубиный бульон. Кулинарные таланты у неё отсутствовали напрочь. Казалось бы, речная рыба должна давать наваристый, сладковатый бульон, но в её руках всё превращалось в несъедобное варево. Сяо Янь, привыкший с детства к изысканным яствам, даже не знал, проклятие это для него или благо. Но он терпел — и голубиный бульон, и рыбный. Ему требовались силы, чтобы выбраться отсюда и вернуться в столицу. Месть была единственным, что заставляло его цепляться за жизнь.

А вот Чэн Янь уплетала эту уху с огромным аппетитом. Дома ей не приходилось заниматься подобным, а здесь, попав в такую ситуацию, она многому научилась, даже начала ухаживать за больным. Она чувствовала себя просто героиней.

— Господин Жэнь, вкусная уха? — спросила она.

Сяо Янь помолчал и ответил:

— Сносно.

Чэн Янь широко улыбнулась:

— Тогда выпей ещё две миски.

Сяо Янь: ...

Её улыбка резала глаза. Он никак не мог понять: ну что такого в этой миске супа, чтобы улыбаться как блаженная? Однако, то ли заразившись её настроением, то ли по какой другой причине, он слегка приподнял уголки губ — редкое выражение спокойствия промелькнуло на его лице.

Чэн Янь была очень жадной до еды, с нетерпением поглядывая на остатки в котелке, и спросила:

— А завтра будет рыба?

— Не знаю, — ответил Сяо Янь.

Чэн Янь вызвалась сама:

— Завтра чуть свет побегу к реке, посмотрю. Ваша рана еще не зажила, берегитесь простуды.

— Не надо, — отрезал он.

Раз он сказал не надо, она не стала спорить. Но он был до того немногословен, что из него невозможно было вытянуть ни слова. Вокруг снова воцарилась тишина. Сяо Янь ел рыбу, словно знатная девица: неторопливо, аккуратно, без тени той суетливой грубости, что была присуща ей.

Чэн Янь понаблюдала за ним и вдруг ляпнула:

— Господин Жэнь, почему вы не улыбаетесь? Вы такой красивый, наверняка выглядели бы еще лучше, если бы смеялись.

Сяо Янь застыл. Чэн Янь спохватилась, поняв, что сморозила глупость, и мысленно обругала себя за длинный язык. Сяо Янь молча отхлебнул бульона, проглотил его, посмотрел на неё и слегка растянул губы, обнажив восемь зубов в стандартной улыбке.

Чэн Янь: ...

Лучше бы он не улыбался. Эта натянутая усмешка выглядела пугающе, а он еще и спросил:

— Красиво?

Чэн Янь: ...

Очень жутко! После этого она уже не смела говорить ерунду. Сяо Янь продолжал есть — он терпеть не мог болтовню.

После того как их рацион перестал ограничиваться одними корнями таро, наступили дни, когда они ели только рыбу. Казалось бы, рыба — это хорошо, но не тогда, когда готовила Чэн Янь. Она была безнадежна в кулинарии. Сначала она пробовала варить, потом запекать, а позже пыталась бросать рыбу прямо в печной огонь. К несчастью, кроме соли, дома почти не было приправ, а готовить она не умела, поэтому результат напоминал блюда из тёмной магии.

Сяо Янь тоже не умел готовить, поэтому по большей части молча принимал то, что давали, но однажды не выдержал, когда она засунула рыбу в печь. Рыба превратилась в головешку, и чтобы добраться до мяса, приходилось счищать слой золы. К тому же она даже не выпотрошила её, просто соскребла чешую и бросила в печь.

Глядя на две рыбины, завернутые в лист банана, черные и пережженные, ледяная маска на лице Сяо Яня наконец дала трещину. Он устался на этих несчастных существ и, стараясь сохранить остатки гордости, спросил:

— Это... рыба?

Чэн Янь кивнула, достав откуда-то немного уксуса, и сказала:

— Мы попробуем другой способ.

Сяо Янь молча посмотрел на неё и жестом пригласил:

— Прошу, госпожа Чэн, просветите.

Чэн Янь почувствовала подвох в тоне:

— Вам не нравится, господин Жэнь?

Сяо Янь сдержался:

— Просто никогда не пробовал.

Чэн Янь с энтузиазмом очистила обугленную кожу — мясо внутри оказалось чистым. Она взяла палочки, отщипнула кусочек и обмакнула в уксус. Сяо Янь попробовал, но тут же отложил палочки: невыносимо отдавало тинной. Он поклялся себе, что, вернувшись в столицу, больше никогда не притронется к рыбе. Хорошо, что у него оставалось немного корней таро, иначе пришлось бы голодать.

Видя, что он не ест, Чэн Янь с любопытством спросила:

— Господин Жэнь, почему не едите?

Сяо Янь привычным движением очистил корень таро и равнодушно ответил:

— Приелось.

Чэн Янь поверила. Её величайшим достоинством была слепая вера и такой же слепой оптимизм. Раз сказал приелось — значит, приелось, они ведь уже неделю ели одну рыбу. Сяо Янь же, неторопливо поглощая таро, краем глаза поглядывал на неё и думал: как такая девушка вообще выйдет замуж? В бедных семьях умение готовить и шить было обязательным, а её навыки... словами не описать.

Он всегда был холоден и безразличен к чужим судьбам, но сейчас не удержался и спросил:

— Разве матушка не учила тебя готовить?

— А? — Чэн Янь в недоумении подняла голову.

Сяо Янь понял, что задает лишний вопрос, но не смог сдержаться:

— Тебя не учили стряпать?

Чэн Янь покачала головой: дома были слуги, до неё очередь никогда не доходила. Сяо Янь показалось это невероятным, и он менторским тоном напомнил:

— Женщина должна уметь готовить и шить, это пригодится в доме мужа.

Увидев его серьезное лицо, Чэн Янь брякнула:

— Незачем, я всё равно долго не проживу.

Сяо Янь опешил, не поняв:

— Долго не проживёшь?

Чэн Янь спохватилась, что сболтнула лишнего, и быстро перевела тему:

— Ой, как кисло! — Она помолчала и добавила: — Сегодня господин Жэнь в духе, много разговаривает.

Сяо Янь: ...

Да, сегодня он был слишком болтлив. Он отвернулся и больше не проронил ни слова. В этот момент Система 009 напомнила Чэн Янь в голове:

— Носитель, не болтай лишнего. Сяо Янь очень умен.

Чэн Янь ответила:

— Больше не повторится. — Помолчав, добавила: — И чего он такой любопытный? Кто вообще сказал, что готовка — обязательное умение?

Система 009:

— Потому что ты живешь в крайней нищете.

Чэн Янь: ...

Ладно, тут не поспоришь.

После десяти дней рыбной диеты однажды вечером Мясник Лю расщедрился и принес свинины. Глядя на жирный кусок мяса на плите, Чэн Янь не могла поверить своим глазам: кроме свинины, были еще яйца и рис.

Мясник был в прекрасном расположении духа и неожиданно сказал ей:

— Чунь-эр исхудала как тростинка, пора бы подкормить тебя пожирнее.

Чэн Янь была ошеломлена:

— Отец, ты сегодня нашел деньги? Чего такой довольный?

Мясник Лю был искренне счастлив и впервые улыбнулся:

— Твоя тётушка Чжоу сказала, что девицу на выданье надо откормить. Завтра схожу в лавку, куплю отрез ткани, попрошу тётушку Чжан сшить тебе новое платье.

Услышав это, Чэн Янь мгновенно всё поняла: он решил подыскать ей мужа. За невесту дают выкуп, продажа дочери — это еще один доход, он просто вкладывался в товар. Она не стала раскрывать карты, думая лишь о том, что жизнь станет чуть легче — от рыбы и корней таро её уже тошнило.

Понимая, в чем теперь заключается её ценность, Чэн Янь обрела уверенность. Она решилась сварить целую кастрюлю белого риса — немного подгорелого, зато настоящего, без примесей. Свиной жир она вытопила, сделав шкварки — запах стоял изумительный! Жир был сокровищем, она бережно переложила его в горшочек, а на остатках пожарила два яйца и немного таро.

Мясник Лю смотрел, как она расходует его продукты, и сердце его сжималось от жадности, но мысль о выгодной продаже дочери заставила его стерпеть. За девственницу можно выручить три-четыре серебряных монеты, а если повезет пристроить в богатый дом в услужение — то и больше. Если же нет — продаст в бордель. Он мысленно подсчитал: Вдова Цао права, нужно привести её в божеский вид, а потом позвать перекупщиков.

В тот вечер Чэн Янь наелась до отвала. С тех пор как она попала сюда, это была первая сытая трапеза. Рис был невероятно вкусным, она съела две миски, яйца были великолепны, а шкварки — просто не оторваться! Мясник Лю видел, как она набивает рот, и не только не запрещал, но и приговаривал:

— Вкусно — ешь больше. Завтра куплю тебе красную ленту для волос и новое платье.

Чэн Янь покривила душой:

— Отец, ты такой добрый.

Это польстило Мяснику Лю, его жирное лицо затряслось от смеха, и он бахвально заявил:

— Ты же моя дочь, кому же мне быть добрым, как не тебе?

Чэн Янь взглянула на него и промолчала.

Мясник Лю сдержал слово: на следующее утро он ушел на рынок. Деревня Синхуа была далеко, и вернуться быстро он не мог. Как только он ушел, Чэн Янь тайком отнесла еду в покойницкую: два вареных яйца, рисовый шарик со шкварками и сами шкварки.

Увидев гостинцы, Сяо Янь удивился. Указав на яйца, он спросил:

— Откуда?

— Отчим принес вчера, — ответила Чэн Янь.

Сяо Янь долго смотрел на неё, прежде чем спросить:

— Он разрешил взять?

Чэн Янь кивнула, просяив:

— Разрешил! А сегодня он ушел на рынок, сказал, купит ткань на платье. Солнце, что ли, на западе взошло?

Сяо Янь промолчал, лишь глядя на неё — в её глазах, казалось, плясали искры, чистые и наивные. Он медленно пододвинул яйца обратно:

— Мне не надо, ешь сама.

Чэн Янь замерла. Взгляд Сяо Яня упал на шкварки:

— А это что?

— Шкварки, — пояснила Чэн Янь. — Вчера отчим принес свинины, я не знала, как приготовить, и вытопила жир.

Услышав про свинину, Сяо Янь поморщился — аристократы не едят свинину, но, видя, с какой надеждой она предлагает, через силу попробовал маленький кусочек. На вкус оказалось неожиданно неплохо. Это была лучшая еда, которую он пробовал из её рук.

— Вкусно? — с надеждой спросила она.

Сяо Янь кивнул. Не просто сносно, а именно вкусно. Чэн Янь расплылась в улыбке, её самооценка взлетела до небес: она решила, что её кулинарный талант достоин открытия собственного ресторана!

Глядя на её глупую, светлую радость, Сяо Янь, кажется, тоже заразился ею и едва заметно улыбнулся. Обычно он был холодным и отстраненным, никого не подпуская к себе. Как и говорила Чэн Янь, когда он улыбался, его лицо преображалось — черты смягчались, острота исчезала из глаз, сменяясь мягкой нежностью.

На мгновение Чэн Янь показалось, что он — вовсе не тот жестокий злодей, каким должен быть. Она подобострастно протянула ему рисовый шарик:

— Господин Жэнь, попробуйте это, рис со смальцем, очень вкусно.

Сяо Янь опустил взгляд и не отказался. Шарик был еще теплым и аппетитно пах. Он откусил маленький кусочек — рис, пропитанный жиром, был действительно неплох. Похоже, её кулинарные способности не были безнадежны.

— Недурно.

Получив одобрение, Чэн Янь окончательно воодушевилась:

— Рис со смальцем — это самое вкусное в мире!

Сяо Янь хмыкнул:

— Угу.

Чэн Янь пообещала:

— Теперь отчим будет покупать много вкусного, вам больше не придется есть таро и рыбу.

Сяо Янь лишь слегка изогнул губы:

— Ешь яйцо.

Чэн Янь, проявив благородство, решила разделить их поровну. Яиц было всего десять, много брать она не решалась. Пока Сяо Янь ел, она тоже принялась за яйцо: белок оказался нежным, а желток — идеально сваренным, ярко-желтым, поднимающим настроение.

Чэн Янь сидела на камне у входа, с удовольствием уплетая яйцо и глядя на встающее солнце — редкий день, когда небо было ясным. Сяо Янь безмолвно наблюдал за ней. Она была слишком наивна — настолько, что, даже будучи проданной, помогала бы пересчитывать деньги. Всё, что она получила сегодня, уже имело свою цену.

В принципе, это не касалось его — они были людьми из разных миров, и у каждого был свой путь. Поняв, что эти мысли ему ни к чему, Сяо Янь отбросил их и погрузился в долгое молчание. Солнце пробивалось сквозь облака, и Чэн Янь, в прекрасном настроении, указала на него:

— Господин Жэнь, смотрите, солнце вышло!

Сяо Янь ответил тихим угу и поднял голову.

Его волосы были небрежно собраны деревянной палочкой, тонкая шея, рваная одежда... Он сидел на пороге, и, несмотря на жалкий вид, держался с невероятной грацией. Эта аристократическая выучка, вьевшаяся в кости, давала о себе знать — где бы он ни был, в нем всегда жила гордость.

Чэн Янь искоса взглянула на него. Казалось, он был в хорошем расположении духа — он вдруг посмотрел на неё и мягко улыбнулся. Его глаза, чистые и яркие, светились теплотой, и сердце Чэн Янь пропустило удар. Ей почудилось, что в его взгляде читается нежность.

Нежность во взгляде главного злодея? Должно быть, у неё начались галлюцинации!

<http://bllate.org/book/24439/2863296>